

ПАЛЬМИРА КЕРЛИС

ФИКТИВНЫЙ

БРАК

РУСАЛОЧКА, ФИКЦИЯ И РАЗДАЧА ЛЕЩЕЙ

Пальмира Керлис

**Русалочка, фикция
и раздача лещей**

«Автор»

2026

Керлис П.

Русалочка, фикция и раздача лещей / П. Керлис — «Автор»,
2026

Ты хотела погулять по суше на своих двоих, а теперь тебе угрожает свадьба с весьма странным принцем? Не страшно, ведь не все русалочки одинаково безмолвны. Особенно когда у них есть боевой лещ и внезапный муж. Главное, не забыть о том, что он – фиктивный!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Пальмира Керлис

Русалочка, фикция и раздача лещей

Глава 1

– Это ты! – завопил кто-то прямо над ухом. Звонким голосом, полным идиотского ликования. – Моя чудесная спасительница!

Чужая ладонь стальным капканом сомкнулась на моем запястье.

Я дергано повернулась, заранее зная, что ничего хорошего не увижу. Ну конечно. Златокудрый смазливый тип смутно знакомой наружности. С челюстью, способной колоть орехи, и выражением вселенского обожания на физиономии. Одет в бархатный камзол, расшитый золотой нитью, сапоги начищены так, что в них отражалось небо.

А как хорошо все начиналось!

Матросы в промасленных робах перекачивали бочки, подъемные краны на кристаллической тяге с мерным гудением переносили контейнеры с грузом от кораблей к складам. Паровой буксир, пыхтя и отплевываясь струйками пара, отчаливал от соседнего пирса, а над его трубой дрожало марево разогретого воздуха. Чайки орали как резаные. Я чувствовала себя почти как дома, только без хвоста и перспективы быть сожранной акулой.

Пристань пахла гниющими водорослями и рыбой. Идеальное сочетание, чтобы перебить соль на губах и остатки здравого смысла в голове. Я прогуливалась вдоль причала, старательно делая вид, что всю жизнь хожу на двух ногах, а не отрастила их с утра по бартеру. Получалось, надо сказать, не очень. Каждый шаг отдавался в позвоночнике тупым напоминанием о том, что мой привычный способ передвижения – горизонтальный, в толще воды, а не это вот дрыгоножество по суше.

Но любопытство – страшная сила. Отец поговаривал, что мое любопытство до добра не доведет. Как всегда, оказался прав.

Мой план был прост, как строение морского огурца: посмотреть на людей, вдохнуть воздух, походить по твердой земле и вернуться обратно в море до того, как отец обнаружит пропажу. Никаких происшествий. Но златокудрый тип вполне тянул на происшествие. Причем катастрофического масштаба.

– Это же ты! – повторил он, прижимая свободную руку к сердцу. – Я узнал тебя, прекрасная дева!

Я попыталась вырвать запястье. Фигушки. Хватка была как у кракена, сцапавшего рассеянного тунца.

Вокруг начали останавливаться люди. Портовый грузчик с тюком на спине замер, уставившись на нас. Торговка рыбой приоткрыла рот, какой-то господин в строгом сюртуке и с бакенбардами отвесил церемонный поклон – не мне, моему приставале. И тут до меня дошло. Обычные люди не устаиваются поклонов от господ с бакенбардами. Не носят камзолы, расшитые золотом. И не орут на всю пристань с интонациями, которые обычно приберегают для оглашения королевских указов.

Ко мне пристал представитель местной знати. Кого узнают в порту. Кто сейчас привлекает ко мне совершенно ненужное внимание. Я дернулась. Он сжал пальцы крепче и расплылся в такой сияющей улыбке, что ей можно было освещать маяки.

– Это я, принц Стоян. Ты вытащила меня из воды и спела дивную песню!

Ах, ну да.

Неделю назад на скалистом берегу. Плавала себе на поверхности, когда с утеса сиганул человек со скорбным выражением лица, ударился о воду, ушел под волны и даже не пытался выплыть. Просто пускал пузыри с каким-то обреченным спокойствием.

А что мне было делать? Не дать же утонуть парню. Я вытащила его на берег. Бедняга был без сознания, на редкость бессмысленные глаза закатились под веки. Воды наглотался. Между прочим, так себе место для купания. Глубина небольшая, а камней полно. Мог и голову разбить. Ему повезло: отделался мокрым камзолом и обмороком.

Пока он лежал и приходил в себя, я пела. Точно. Вспомнила. Кажется, это была песня «Почему ты такой придурок?». Импровизация. От души. На три куплета с рефреном про то, что прыгать со скал в воду могут только сумасшедшие, да и те поумнее будут.

Я же не думала, что он слышал. Была уверена: валяется без сознания. Что я уплыла до того, как недоутопленник очнулся.

Оказалось, запомнил меня. И теперь стоял передо мной, сжимая мое запястье, и глядел так, будто я лично подарила ему луну с неба в бархатной коробочке.

Я снова дернулась. Бесполезно. Вцепился намертво, словно в какое-то сокровище.

– О нет, второй раз я тебя не упущу, – провозгласил этот ненормальный и подхватил меня на руки.

Земля ушла из-под ног. В буквальном смысле. Я оказалась прижата к расшитому золотом камзолу, мои временные конечности беспомощно болтались в воздухе. Толпа ахнула. Кто-то захлопал, решив видимо, что это часть какого-то представления.

Я отчаянно покосилась на стоявшую у края причала бочку с рыбой. В мутной воде, среди сонной трески и пары окуней, прятался он. Мой верный друг Лещ.

Он высунулся из бочки ровно настолько, чтобы его рыба морда показалась над поверхностью. Глаза сбились в кучу – вообще-то они всегда были в кучу, такова уж особенность физиологии, но сейчас это была особенно изумленная куча.

Я сделала ему знак. Украдкой, зато предельно красноречивый. «Вали». Если Леща заметят рыбаки, то на ужин у них будет мой питомец, и объясняй потом отцу, куда я его дела. Он клацнул челюстями – то ли возмущенно, то ли выражая моральную поддержку – и выпрыгнул из бочки в море. Правильно. Хоть кто-то в этой ситуации проявлял благоразумие.

Принц Стоян куда-то нес меня сквозь расступающуюся толпу.

– Ты отправишься со мной в замок, – произнес он тоном, не допускающим возражений.

Я замотала головой. Так яростно, что волосы хлестнули по щекам.

Сказать я ничего не могла. Не потому, что не хотела – очень даже хотела, причем много и в основном нецензурного. А потому, что мой голос в данный момент находился в маленьком перламутровом флаконе на шее у морской колдуньи Ункулы. Таковы были условия сделки. Она дает мне человеческие ноги – не чьи-то, заметьте, а мои собственные, приспособленные под сухопутный образ жизни. А я отдаю ей свой голос. На денек. С правом продления, если захочу остаться на суше подольше.

Дурацкая сделка, скажете вы? Возможно. Но Ункула – единственная, кто вообще согласилась на такой обмен. Отец бы меня не понял. Запер бы в коралловом гроте до следующего прилива и читал бы лекции о безответственности. А мне хотелось увидеть мир. Пройтись по земле. Понять, что такого в этих двуногих созданиях, из-за которых моя дальняя родственница когда-то пошла на куда более глупую сделку и превратилась в морскую пену.

Теперь я начинала подозревать, что та родственница просто была душой. Как и я.

Стоян между тем донес меня до шикарной кареты. Черный лак, золотые вензеля, упряжка из четырех белых лошадей, на козлах – кучер в ливрее. Дверца распахнулась. Стоян забрался внутрь и усадил меня на мягкое сиденье, обитое алым бархатом.

Я тут же рванулась к противоположной дверце. Ручка не поддавалась. Заблокировано!

– В замок, – скомандовал принц кучеру, и карета тронулась.

Пристань удалялась. Море тоже. Родная, соленая, прохладная толща воды...

Ну прекрасно, Деверика. Прогулялась так прогулялась. Отец меня прибьет.

– Я искал тебя целую неделю! – восторженно щебетал Стоян. – Всю береговую линию прочесал. Всех рыбаков опросил. Нанимал следопытов. Ты представить себе не можешь, какая это была мука – знать, что где-то рядом существует столь совершенное создание, и не иметь возможности найти!

Эм-м-м... Прочесывал береговую линию неделю? Из-за меня?

– Твои волосы красны, как закатное солнце над морем, – продолжал он сыпать комплиментами. – А твои щеки так мило зарделись от смущения!

Да какое смущение, придурок ты сухопутный? Это злость! Чистая, незамутненная, кипящая злость. Меня только что похитили среди бела дня. Подумаешь, принц. Я, между прочим, тоже принцесса. Только морская. И с принцессами так не обращаются. Да и вообще ни с кем не обращаются – никого нельзя без спроса запихивать в карету и увозить в неизвестном направлении!

Я ухватила за сиденье, чтобы не кинуться на него с кулаками. Лишь потому, что кидаться с кулаками на того, от кого зависит твое ближайшее будущее, – не лучшая идея. Надо быть умнее. Найти способ убедить Стояна, что он обознался.

Но как? Я пока что немая. Петь не могу. А принц запомнил именно песню. Если бы я могла издать хоть звук, хоть самую фальшивую ноту – он бы наверняка счел, что я не та, кто ему нужна.

– Ты так молчалива, – произнес Стоян с придыханием. – Ничего не отвечаешь. Но мне это даже нравится! Непререкающаяся дева – такая редкость в наше время. Обычно дамы наперебой болтают, со всем соглашаются, льстят, а ты... просто смотришь и молчишь.

В подтверждение своих слов он взял мою ладонь и поднес к губам. Я выдернула руку и замахнулась для пощечины. Стоян перехватил запястье с ловкостью, которая выдавала в нем немалый опыт уклонения от оплеух.

– Ого, какой темперамент, – выдохнул он, и его зрачки расширились от восторга. – Идеальная женщина.

Я отодвинулась в самый дальний угол кареты, вжавшись спиной в бархат, и принялась лихорадочно думать. Ладно. Допустим, я не могу ни говорить, ни петь. Но я ведь могу как-то показать ему, что я не та, кого он ищет? Может, изобразить полную неспособность к музыке? Схватить какую-нибудь флейту и начать издавать ею отвратительные звуки? Хотя нет. Стоян, скорее всего, решит, что это такой новый вид искусства, и влюбится еще сильнее.

Карета покатила по широкой мощеной дороге. За окном мелькали ухоженные поля, аккуратные рощи, домики с черепичными крышами. А потом я увидела замок.

Он вырос из скалы, как гигантский каменный коралл. Высокие башни с острыми шпилями пронзали небо, стены из серого гранита были увиты плющом. Окна сияли витражами. Вокруг замка простирался ров, и в нем, как я успела заметить, плавали самые настоящие лебеди. Белые и пушистые.

Внутренний двор встретил нас фонтаном в форме тритона, дующего в раковину, и клумбами с диковинными цветами. В море таких не росло.

Карета остановилась, лакеи распахнули дверцы. Стоян вышел первым, галантно подал мне руку, а когда я ее проигнорировала, взял и опять подхватил меня.

– Осторожнее, моя драгоценная, – проворковал он, шагая к парадному входу.

Я попыталась укусь его за ухо. Зубы клацнули в сантиметре – принц ловко увернулся и рассмеялся:

– погоди, давай до спальни доберемся!

Чего?! Я заколотила по его груди. Камзол был расшит так плотно, что мои удары не причиняли гаду ни малейшего дискомфорта. Он только улыбался и шел дальше, через анфи-

ладу залов, мимо замерших в поклонах слуг, мимо гобеленов и рыцарских доспехов, которые выглядели так, будто их никогда не использовали в бою. Чисто декоративные железяки.

– Приготовьте для девушки лучшие платья, – бросил Стоян кому-то на ходу. – И все, что пожелает.

Да я желаю обратиться отсюда!..

Мы поднялись по башенной лестнице, и меня внесли в гостевую спальню. С лепниной на потолке и кроватью под балдахином. Просторную, которая размером превосходила мои личные апартаменты в отцовском дворце раза в три. Стоян наконец поставил меня на ноги.

Я рванула к окну. Высоко. Очень. Башня, чтоб ее. Прыгать – костей не соберешь. А море... Его отсюда толком не видно. Только крыши домов, лес на горизонте, и где-то там, вдалеке, угадывалась полоска воды. Ехать и ехать. Пешком – несколько часов, не меньше.

Из моего горла вырвался вой. Беззвучный. Но получилось очень выразительно.

– Как тебя зовут, прекрасная? – Стоян даже бровью не повел.

Я медленно подняла руку и показала ему средний палец. Жест, который у людей, как я успела выяснить, означал крайнюю степень неодобрения.

Стоян уставился на мой палец с легким недоумением.

– Ну чего ты так сразу? Нет-нет, я не такой. До свадьбы – ни-ни. Я же благородный человек.

У меня отвисла челюсть. Какая еще свадьба?!

– Я искал тебя, чтобы жениться, – пояснил он, и его лицо озарилось тем же сияющим выражением, с которого началось мое похищение. – Теперь ты моя невеста. Это решено.

В горле клокотало, но наружу не вырывалось ни звука. Будь у меня голос, я бы сейчас такое спела, что принц бы поседел, а его замок покрылся бы трещинами.

Стоян, кажется, принял мое молчание за благоговейный трепет.

– Я понимаю, – заговорил он доверительно, – судя по одеянию и манерам, ты простолюдинка. Это мезальянс. Мои советники будут в ужасе, королева-мать затянет скандал. Но я готов пойти на это во имя нашей любви!

Я покрутила пальцем у виска.

– Ты не хочешь называть свое имя? – истолковал Стоян мой жест по-своему. – Хорошо. Я уважаю твое право на тайну. Тогда сам тебя назову.

Он прошелся по комнате, заложив руки за спину.

– Будешь Риэль. Тебе идет. Что-то такое... водное. Морское. Загадочное.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

– Обживайся, – принц направился к двери, – если что-то понадобится – дерни за шнурок звонка, придут слуги.

Он вышел, дверь закрылась. Я подбежала к ней и подергала ручку. Заперто. Снаружи.

Вот попала так попала!

Глава 2

Я подергала за шнур. Сначала ничего не происходило, потом в коридоре загрохотали шаги – такие, что на столике задрожал графин. Дверь лязгнула замком, открылась, и на пороге возник слуга.

Сразу поняла: дело дрянь. Роста он был саженного. Плечи – шире дверного проема. Шея отсутствовала как анатомическое явление, голова росла прямо из туловища, а само туловище было упаковано в ливрею. В руках слуга держал поднос. Огромный, серебряный, уставленный тарелками с крышками.

Слуга поставил поднос на стол у входа, развернулся, вышел и снова запер дверь. Все движения – отработанные, механические, без единой заминки. С таким не провернешь фокус «ударить и сбежать». Меня одной левой в бараний рог скрутят, даже не заметив, что я сопротивлялась.

Я осталась стоять посреди комнаты. Запертая. С обедом.

Крышки сняла скорее из любопытства, чем из гастрономического интереса. Запеченный краб с круглыми глазищами! Ужас!.. И бутерброды с икрой. Надо мной что, издеваются? Не буду есть сородичей!

Я прошлась по комнате, изучая обстановку. Окно – высоко, удобных выступов на стене нет. Дверь дубовая, петли снаружи. Камин? Труба слишком узкая даже для моей subtilной фигуры.

Блеск!

Плюхнувшись в кресло, я уставилась на краба. Краб уставился в потолок. Мы оба были не в восторге от сложившейся ситуации.

Стоян явился через час. Без стука. Распахнул дверь и вплыл в комнату, сияя как начищенный медный таз.

– Риэль, я известил маменьку! – объявил он с порога.

Я даже не шевельнулась. Сидела в кресле, скрестив руки на груди, и разглядывала его с выражением самого глубочайшего безразличия, на какое только способно мое лицо.

– Она согласна! – продолжал Стоян, игнорируя мою реакцию. То есть ее полное отсутствие. – Сказала, что другие принцы объявляют в розыск своих избранниц через глашатаев, тратят казенные деньги, будоражат народ. А я сам нашел! По наитию. И доставил в замок. Ну какой я молодец!

Он подмигнул мне, явно ожидая подтверждения своей невероятной молодечности. Обойдется. Молодец, ага. Самый молодецкий молодец во всем королевстве. Украл постороннюю девушку среди бела дня и гордится. Но как до него это донести? Записку не напишешь, я людской письменности не знаю. Только устный язык, и то благодаря болтун-рыбе, сбежавшей когда-то из столичного аквапарка.

– Королева считает, что я ответственно подошел к вопросу, – не унимался Стоян. – Некоторые принцы до сих пор ищут избранниц! Уже который год. А я – раз, и все. Оперативно.

Я разжала скрещенные руки. Поднялась с кресла и шагнула к нему.

Стоян улыбнулся. Очевидно, решил, что я сейчас брошусь ему на шею с рыданиями благодарности. Вместо этого я замахнулась и врезала кулаком ему в плечо. От души. Так, что костяшки занули.

Принц качнулся и посмотрел на меня с выражением, от которого захотелось отступить подальше. Это было не возмущение. Не гнев. Не обида. А пугающее такое... понимание.

– Ну ладно, – произнес он почти нежно, – бей. Раз тебе нравится. У каждого свои... хм... предпочтения. Я готов принять тебя любой.

Мой кулак, уже занесенный для второго удара, замер в воздухе. Я бью этого гада, а он романтические речи толкает! Вдруг ему еще и самому нравится, когда его колотят? Ну, предпочтения такие...

Рука опустилась сама собой. Бить расхотелось. Совершенно. Абсолютно. В том числе в воспитательных целях.

– Все? – спросил Стоян с легким разочарованием. – Может, еще разок? Я не против.

Я отрицательно замотала головой и попятилась к окну. Он вздохнул:

– Хорошо, отдыхай. Скоро пришлю служанок, помогут тебе привести себя в порядок.

И вышел. М-да. Принц не просто придурок. Он придурок со специфическими вкусами. И воспринимает агрессию как проявление взаимности. Дела хуже некуда!

Служанки явились через полчаса. Их было четыре. Я поняла главное: это много. О побеге можно забыть. Они задавят меня числом.

Принесенные наряды немного примирили меня с реальностью. Платья выгружали на кровать одно за другим – шелковые, бархатные, муслиновые, расшитые бисером, украшенные кружевами и лентами. Лавандовое. Изумрудное. Небесно-голубое. Алое, как штормовой закат. Белое с серебряной нитью – видать, сразу подвенечное, чтобы два раза не бегать.

Вопреки всему во мне проснулся чисто женский интерес. Да, я в заточении. Да, мой похититель – больной на голову принц. Но платья-то какие...

Еще выяснилось, что меня собираются мыть. В ванне. С водой. О, нет-нет-нет!

Я энергично замахала руками, показывая, что справлюсь сама. Меня не поняли. Показала поочередно на ванну, на себя, на дверь. Служанки переглянулись. Я повторила жест – настойчивее. Достала из кучи платьев кружевное нечто, прижала к груди и снова указала на дверь. Мол, вымоюсь и переоденусь самостоятельно, идите отсюда.

Наконец до них дошло. Старшая служанка пожалала плечами – мол, дело ваше – и жестом велела остальным ретироваться. Это они и проделали, заперев дверь. Негодяйки, могли бы и не запирасть.

Ванна обнаружилась за резной ширмой в углу спальни. Небольшая, мраморная. Я покрутила вентили и наполнила ее горячей водой, от которой поднимался пар. Рядом на столике лежали мочалки, губки, флаконы и стопка пушистых полотенец.

Я стянула с себя замызганное тряпье, позаимствованное накануне с веревок у рыбацкого поселка. Рубаха, юбка, башмаки – все это полетело в угол вместе с нагрудной повязкой. Осталась в чем мать родила. То есть в чем отец-царь повелел явиться в этот мир.

Я критически осмотрела свои пятки. Пыльные, в портовой грязи. Ступни чесались, желание погрузиться в горячую воду было почти невыносимым. Но имелась одна маленькая проблема. При соприкосновении пяток с водой мои ноги превращались в хвост. Он же, высохнув, превращался обратно в ноги. Но пока хвост мокрый – я русалка. С чешуей, плавниками и полной непригодностью к сухопутному передвижению.

Если кто-то из слуг войдет в этот момент... Ой. Даже думать не хочу, что будет. В лучшем случае – крики, паника, обвинения невесты в чем. Существование русалок для местных не такой уж секрет, хотя нас вроде как считают диковинкой. Не ловят, по крайней мере, официально. В худшем случае – Стоян передумает жениться, но решит оставить меня в замке. В аквариуме. Или поселит в ров. Буду плавать среди лебедей, а он станет приходить и читать мне стихи собственного сочинения. Бр-р-р...

Я залезла в ванну, выставив пятки на мраморный бортик. Поза получилась нелепая – полулежа, с задранными к потолку ногами, зато относительно безопасная. Мылась я частями. Сначала ополоснула лицо, шею, плечи. Потом, стараясь не плескать, вымыла руки, живот, спину. Пятки торчали над водой, как два форштевня потерпевшего крушение корабля.

Закончив с верхней половиной, я принялась за ноги. Осторожно. Очень. Смочила мочалку, протерла икры. Затем колени. И тут моя левая пятка соскользнула с бортика.

Плюх. Бац! Ноги исчезли, срослись в единое целое и покрылись переливчатой розовой чешуей. Хвост – мой собственный, родной, великолепный хвост – занял всю ванну, плеснув воды на мраморный пол.

Я зашипела сквозь зубы. Несколько секунд сидела неподвижно, прислушиваясь. За дверью – тишина. Служанки не рвались проверить, как там гостья справляется с омовением. Уже легче.

И вот ведь какая штука: прошипела я вполне себе внятные ругательства. Голос в истинном облике вернулся! Не полностью, как-то вполсилы или даже в треть. Могу обругать всех как следует, но толку? Стратегически – ни малейшего. Я хвостатая!..

Схватив полотенце с ближайшей стопки, я принялась остервенело обтираться. Чешуя блестела, переливалась, но под тканью быстро тускнела и высыхала. Через несколько минут хвост дернулся, разделился надвое, и я снова стала обладательницей пары человеческих ног. Правда, слегка дрожащих от пережитого стресса.

Конечно, я вновь онемела. Выбралась из ванны, бросив на мокрый пол все имеющиеся в арсенале полотенца. Нервно проверила пятки – сухие. Никаких признаков чешуи. Переведя дух, я нацепила нагрудную повязку и направилась к кровати, где все еще громоздилась гора платьев.

Коричневое. То, что надо. Цвета дохлых водорослей, мокрого песка и моего настроения. Удобное, без лишних рюшей и оборок, не стесняющее движений. И – что немаловажно – на коричневом пятна крови будут не так заметны. Потому что я очень зла и готова выбираться любой ценой!

Глава 3

Я натянула платье. Село как влитое – будто шили по мерке. Вместо туфель, которые имелись в обувном ассортименте, я выбрала сапоги. Мягкая кожа, низкий каблук, шнуровка до середины голени. В таких удобно ходить, бегать и, если понадобится, пинать преследователей.

Солнце уже клонилось к горизонту, заливая небо оранжево-розовыми разводами. Где-то там, за городом, рокотало море. Родное, соленое, прохладное. А на шее у морской колдуньи Ункулы болтался флакон с моим голосом. Она говорила, что будет петь им песни. Не знаю зачем. Факт оставался фактом: если я не вернусь до ночи, Ункула продлит сделку автоматом. И кто знает, что она там делает? Вдруг уже горланит непристойные частушки на всю морскую округу?

Думать об этом следовало раньше. Но если бы я думала, то вообще не сунулась бы на сушу. Сидела бы сейчас дома и перебирала жемчуг в шкатулке, а не стояла бы в замке принца, прикидывая пути отступления.

Пути, кстати, были так себе. Окно и камин отпадают, дверь надежно заперта. Слуги – те еще... исполнители.

О, магическая лампа! На прикроватном столике – тяжелая, бронзовая, с резной ножкой и матовым плафоном, внутри которого мерцал кристаллический накопитель. Я взяла ее в руку. М-м-м, увесистая. Если треснуть такой по голове – наверняка вырубит. И не убьет. Надеюсь.

План родился мгновенно. Рискованный, но других вариантов нет. Дернув за шнур, я подошла к двери, встала сбоку, чтобы сразу обрушить удар на вошедшего, и... ничего. Тишина.

Я ждала. Минуту, две, пять. Пальцы начали неметь. Я переложила оружие возмездия в левую руку, потрясла правой, восстанавливая кровообращение, и снова взялась за лампу обеими лапками.

Небо за окном из оранжевого становилось лиловым. Никто не шел. Прекрасная организация труда в этом замке! Принц похищает девиц, а прислуга даже не чешется на вызов.

Я уже собиралась плюнуть и придумать что-то другое, но в коридоре послышались шаги. Легкие. Не такие, как у того шкафообразного слуги. И не цокающие, как у служанок. Обычные мужские шаги, чуть торопливые.

Дверь начала открываться, мелькнул край подноса. Я не стала ждать, пока гость покажется целиком. Размахнулась и со всей дури опустила лампу ему на голову.

Раздался глухой удар. Звон. Грохот. Поднос полетел на пол, с него посыпались тарелки, чашки, столовые приборы. Что-то разбилось, что-то покатилося под кровать. Человек рухнул лицом вниз, не издав ни звука.

И только тут я разглядела, кто это.

Принц Стоян собственной персоной. Валяется на полу, уткнувшись носом в ковер, а вокруг него растекается лужа супа. Сам принес еду. Надо же, какой заботливый. Прямо до слез.

Времени на рефлексии не было. Я перешагнула через поверженного гада и выглянула в коридор. Пусто. Стражников не видно. Я выскочила за дверь и припустила по коридору, подобрав юбки.

Коридор был длинный, устланный коврой дорожкой, с портретами каких-то королей на стенах. Все как один были златокудрые и смазливые – очевидно, фамильная черта.

За поворотом обнаружили стражники. Двое. В латах, при алебардах. Дежурили у окна и о чем-то лениво переговаривались. Я сбавила шаг, расправив плечи и подняв подбородок. Пошла медленно и вальяжно, с видом «я здесь законно, отстаньте». Прогуливаюсь, имею право. Невеста принца, в конце концов.

Стражники скользнули по мне равнодушными взорами и вернулись к беседе. Я миновала их и почти выдохнула, но вдруг за спиной раздался вопль:

– Держите ее!

Стоян. Очень недовольный. Эх, лампа была недостаточно тяжелой. Надо было брать графин...

Я рванула с места, не заботясь о конспирации. Стражники за спиной ломанулись следом. Коридор, лестница, еще один коридор. Неслась я на всех парах, не разбирая дороги. Осознавала лишь, что мне нужно вниз. Дорогу кое-как запомнила, пока меня сюда несли. Сапоги скользили по свеженамытому полу, не упала чудом. Сзади топали, гремели доспехами и приказным тоном орали остановиться. Ага, щас! Держите карман шире.

Из бокового прохода вывернул слуга со столиком для уборки. Я вильнула, он шарахнулся. Столик опрокинулся, с него попадали бутылки и склянки. Бежавший первым стражник поскользнулся на пролитом моющем средстве и врезался в стену. Второй перепрыгнул через него, но потерял темп. Я выиграла несколько драгоценных секунд.

Башенная лестница уходила вниз крутой спиралью, я перепрыгивала через ступеньки. Ножки, ноженьки, милые мои, не подведите! На одном из пролетов была неприметная дверь. Чулан с метлами, ведрами и тряпками – мое спасение. Ну, я на это рассчитывала. Нырнула туда и затаилась среди швабр, аки родная. Благо комплектация позволяла.

Стражники благополучно сбежали по ступеням вниз. Я сосчитала до тридцати, потом еще до тридцати, и еще разок для верности. Осторожно выглянула. Никого, лестница пуста.

Дальше я передвигалась, прижимаясь к стенам и прячась в ниши при каждом подозрительном звуке. Замок гудел голосами: перекликались слуги, отдавались приказы искать бежавшую меня. Но мне удавалось просачиваться незамеченной. Сказалась многолетняя практика уклонения от отцовских патрулей рыбо-стражи.

Кухня накинута на меня жаром, паром и суетой. Между плитами и разделочными столами носились повара и поварята, гремели кастрюлями, прикрикивали друг на друга. На вошедшую девушку никто не обратил внимания: у них там подгорало мясо, было не до того.

Я проскользнула вдоль стены, лавируя между бочками с мукой и корзинами с овощами. К черному ходу. Дверь была приоткрыта – видимо, для проветривания. Не мешкая, я юркнула наружу – на задний двор замка.

Уже стемнело. Небо стало густо-синим, кое-где проклюнулись первые звезды. Горели магические фонари, разливая теплый желтоватый свет. У конюшни суетились люди: запрягали лошадей, грузили тюки. Чуть поодаль стояла повозка. Крытая, с навесом, доверху набитая бочками, мешками и ящиками. Кучер как раз отвлекся, с кем-то переругиваясь.

Я подбежала к повозке, подтянулась на руках и перевалилась через борт. Приземлилась на мешки – мягко, практически бесшумно. Сердце бухало так, что казалось: его слышно на другом конце двора. Зарывшись поглубже, я прикрылась мешковиной и молилась всем морским богам сразу. Тем, что ведают приливами. Тем, что отвечают за попутный ветер. Тем, что покровительствуют глупым русалкам, вляпавшимся в неприятности на суше.

Повозка качнулась. Заскрипели колеса, цокнули копыта. Мы тронулись. Я считала удары сердца. Раз, два, три... Повозка катилась по мощеному двору, затем – к мосту надо рвом с лебедями. У ворот перекликались стражники.

– Груз с королевского склада, – буркнул кучер.

Мы остановились. Зашуршали чьи-то шаги. Кто-то откинул край брезента – я вжалась в ящик, стараясь стать как можно меньше и прозрачнее. Скрипнул фонарь, луч света пробежал по тюкам. Меня не заметили.

– Проезжай.

Навес опустился, повозка покатила дальше. Только стук копыт по мостовой да скрип колес.

Мы выехали! Замок остался позади. Теперь главное – чтобы эта повозка направлялась к морю, а не в противоположную сторону. Второй раз проделывать этот трюк у меня не хватит ни нервов, ни ламп.

Копыта стучали и стучали, колеса скрипели. Я изображала ветошь. Пару раз подмывало выскочить из повозки на медленных поворотах, но куда я побегу? Карты у меня нет! Эдак заблужусь посреди неизвестных улиц. Может, повезет и груз с королевского склада отвезут напрямиком на причал...

Не повезло. Повозка въехала на яркую и шумную площадь. Горели разноцветные фонари, народа вокруг было столько, что яблоку негде упасть. Люди в обнимку высыпались из зданий с красочными вывесками, распевали песни. Весело им... А мне вот совсем наоборот!

Кучер притормозил у здания какого-то музея, не иначе. Крикнул про груз из дворца. Мол, всякое ненужное им барахло для выставки современного искусства. Я выбралась наружу до того, как подоспели грузчики. Не оглядываясь, засеменила по сияющим огнями улочкам, понятия не имея, куда бежать и что делать.

Глава 4

Город оглушал. Фонари полыхали так, что слезились глаза. Вывески громоздились одна над другой, и на каждой что-то было написано – витиевато, золотом, с завитушками и без. На самой высокой башне переливалась громадная надпись, но я не понимала ни слова.

Народу вокруг было – как сельдей в нерест. Гуляли, смеялись, распевали песни, прикладывались к бутылкам. Кто-то танцевал прямо на мостовой. Какая-то девица в алом платье громко хохотала, повиснув на плече спутника. Компания молодых людей с бокалами вывалилась из дверей заведения с вывеской в виде пылающего сердца. Пахло жареным мясом, сладкой выпечкой и вином. Весело им. А мне вот совсем наоборот.

Я брела по улице, вертя головой. Где море, в какой стороне? И далеко ли до него? В портовом районе я худо-бедно ориентировалась, а здесь ни единой подсказки. Перехватила первого попавшегося прохожего. Мужичка с румяным лицом, с перегаром, в съехавшем набок берете. Поймав его мутный взгляд, я принялась изображать пантомиму. Волны. Плавание. Рыба. Ткнула пальцем куда-то вдаль с вопросительным выражением лица.

Мужичок расплылся в понимающей улыбке.

– Выпить? – переспросил он радостно. – Девушка, да здесь везде можно выпить! Это же Квартал Греха! На каждом углу либо кабак, либо танцевальный зал, либо и то и другое сразу. Вон идите в «Пылающее сердце» – там наливают до утра.

Я замотала головой и повторила пантомиму яростнее.

– А, так вы хотите не просто выпить, а чего покрепче? – обрадовался мужичок еще больше. – Тогда вам в «Штормовую бочку»! Две улицы прямо и налево. У них такой ром подают – с ног валит!

Я махнула на него рукой и пошла дальше. Он кричал мне вслед – советовал заказывать ром с имбирем. Пф-ф-ф...

И тут в затылке зазвенело. Тоненько так, знакомо. Ментальная связь – ниточка, что тянется от меня к питомцу. Лещ! Где-то совсем рядом. Я прислушалась к ощущениям. Звончок пульсировал, дергал за невидимую леску. И это был не радостный счастливый вопль: «Хозяйка, я тебя нашел!» – а неприкрытая паника: «Меня сейчас будут жарить!...»

Отправился меня спасать? Но сейчас помощь явно нужна ему.

Я пошла за ниточкой связи. Через шумную площадь, мимо танцующей толпы, по мостовой, залитой чем-то липким. Запахло рыбой и тиной.

Задний двор ресторана и большие деревянные бочки с плещущейся внутри водой. Из них торчали рыбы хвосты. И в одной из них бился мой питомец.

Я подошла к этой самой бочке, поставленной перед задней дверью в ресторан. Оттуда пулей вылетел серебристый комок, шлепнувшись мне в ладони.

Лещ. Мокрый, с глазами, сбитыми в такую кучу, какой я у него еще не видела. Он часто-часто открывал рот, будто говоря мне: «Ура!» Я прижала его к груди. Дурашка, а не спаситель. Сейчас бы его тут зажарили. С лимоном и петрушкой.

Питомец возмущенно клацнул челюстями, словно почуяв, о чем я думаю. Остальные рыбы смотрели на меня с немимым укором. Ну да, бросаю их. А что делать? Всех не унесешь. Такова их судьба – стать чьим-то ужином. Я мысленно извинилась перед ними и попятилась.

– Эй! – раздалось за спиной. – Ты куда рыбину потащила?!

Работник ресторана. В заляпанном фартуке, с закатанными рукавами и разделочным ножом в руке. Нож был внушительный. Таким не то что леща – акулу разделать можно.

Я ускорила шаг.

– Стой, кому говорю! – Он двинулся за мной. – Да погоди ты! Хочешь рыбу – так давай я ее на гриль для тебя кину! Бесплатно! За счет заведения!

Я перешла на бег. Лещ в моих ладонях отчаянно трепыхался. Сзади топали, но, к счастью, недолго – работник ресторана, видимо, решил, что бегать за сумасшедшей девицей по всему Кварталу Греха себе дороже.

Юркнув в ближайшую подворотню, я прижалась к холодной стене. Леща бережно опустила в глубокий карман коричневого платья. Как раз поместился – только хвост торчал, подрагивая. Я погладила его пальцем. Отлично, что Лещ не поплыл к моему отцу. Не стал докладывать о моем похищении. У меня еще есть шанс вернуться домой без папулиного гнева и лекции о безответственности на три часа, с перечислением всех опозорившихся родственников.

Правда, надо торопиться. Без воды Лещ может прожить всего несколько часов, а будь сейчас день и солнце – вообще бы за пятнадцать минут жабры слиплись. Надо найти море. Срочно. Хорошо все-таки, что повозка привезла меня именно сюда! Иначе бы мой питомец превратился в закуску.

Я выглянула из подворотни. Улица все так же гудела. Огни, музыка, толпа. И трое типов в неприметной одежде. Они стояли на углу и озирались. Не просто глазели по сторонам, как гуляки, а именно выискивали кого-то. Методично и профессионально. Один кивнул другому, тот указал куда-то в мою сторону.

Наши взгляды встретились. Типы решительно двинулись ко мне. Я дала деру. Придерживая Леща в кармане, рванула вглубь переулка. Сзади затопали.

– Стой! – донеслось до меня. – Вернись к жениху!

Следопыты? Наверное, те, которых Стоян нанимал прочесывать береговую линию. Теперь пустил их по моему следу? Быстро сориентировался, гад! Организовал погоню. Шишка на голове не помешала мыслительному процессу. Впрочем, чему там мешать-то...

Я металась по переулкам загнанным тунцом. Следопыты не отставали. Профессионалы, чтоб их. В отличие от стражников, не велись ни на какие уловки. Бежали упорно, без криков «держи ее» и прочей театральщины. От этого было только страшнее.

Я нырнула в проход между домами. Узкий – плечи цеплялись за стены. Выскочила с другой стороны, спряталась за штабелем ящиков. Дыхание сбилось, сердце колотилось в горле. Лещ в кармане затих – то ли от ужаса, то ли оттого, что экономил кислород.

Я выждала минуту. Выглянула из-за ящиков. Никого. Отдышалась. И услышала голос. Совсем рядом, за углом:

– Да папенька меня задрал со своим «женись-женись»!

Мужской. Молодой. Раздраженный до крайности.

Я заглянула за угол. Троица парней. Одетых в дорогую, даже щегольскую одежду. Бархат, вышивка, серебряные пряжки на сапогах. Сразу видно – не из простых.

Тот, что говорил, стоял ко мне вполоборота. Высокий ладный брюнет с красивыми чертами лица и хищной грацией.

– Ну так женись, – пожал плечами один из его спутников, рыжеватый щеголь. – Тогда отстанет.

– Вот и женюсь, – рубанул брюнет. – Прямо сейчас на первой встречной. Мы же рядом с единственным в столице храмом, в котором венчают сразу, на месте. Заявление подавать не надо.

Я скосила глаза. И правда. В конце улицы, за площадью, возвышалось белоснежное здание с куполом. Небольшой, но внушительный храм. Двери открыты, внутри теплится свет.

– Крум, не горячись, – сказал второй спутник, светловолосый.

– Нет уж, – отрезал тот. – Первое слово дороже второго. Вы бы видели, кого он мне сватает! Ни милого личика, ни темперамента, сплошная породистая родословная.

Я краем глаза заметила движение. В дальнем конце улицы мелькнули следопыты. Рыскали, высматривали.

Хм... А ведь если я стану чьей-то женой – принц не сможет на мне жениться. Это же очевидно. Замужняя дама не невеста. Стояну придется от меня отстать.

Следопыты приближались. Времени на раздумья не оставалось, я выскочила из-за угла. Парни устали на меня. Брюнет – тот самый Крум – приподнял бровь. Оглядел с ног до головы. Усмехнулся уголком рта.

– Ого какая, – оценил он.

Я схватила его за руку. Она была теплая, сухая и довольно крупная. Кольца на пальцах – серебряные, массивные.

– Ты куда? – окликнул его рыжеватый. – Ты это серьезно?

Крум, которого я уже тащила в сторону белоснежного храма, на мгновение затормозил. Повернулся к друзьям.

– А что такого?

– Да ты же ее совсем не знаешь! – возмутился светловолосый.

– Вот сейчас и узнаю.

Удачно, что не отпирается. То ли пьяный, то ли очень решительный. Хотя алкоголем от него не пахло. Я бы учуяла: у русалок отменный нюх на спиртное. Значит, все-таки решительный. В моменте. Бывает же такое.

Друзья еще что-то кричали вслед. Рыжеватый возмущался, что это глупо, светловолосый вторил ему. Я разобрала только финальное:

– ...мы в этом безумии участвовать не будем!

А нам больше никого и не надо. Надеюсь, свидетели на свадьбе – необязательное условие, раз храм венчает прямо на месте.

Крум размашисто шагал рядом со мной. Руку не вырывал. Даже наоборот – перехватил мою ладонь поудобнее. Красивый, зараза. Не как Стоян – не смазливый. По-другому. С острыми скулами и насмешливым прищуром. Волосы темные, чуть выющиеся у висков. На подбородке – легкая небритость. И одет с иголочки.

– А ты не против же, что я на тебе женюсь? – спросил он по пути. – Ну, раз тащишь меня туда, наверное, не против.

Я промолчала. Да и что бы я ответила, даже если бы могла?

– Ты эффектная, – продолжил Крум как ни в чем не бывало. – И платье у тебя дорогое. Я в этом толк знаю. Ты из какой семьи?

Я снова промолчала.

– Загадочная, значит, – хмыкнул он. – Мы же еще не ругались, чтобы ты со мной не разговаривала.

Храм приближался. Белоснежные стены, высокие двери, отполированные до блеска ручки. Доносились запахи ладана и свечного воска. Мы поднялись по ступенькам, Крум толкнул дверь.

Внутри было пусто. Только жрец – пожилой, седой, в темной рясе – скучал на скамье у алтаря. Перед ним на низком столике стоял поднос с чайником и чашкой, от которой поднимался пар. Жрец смотрел в пространство с выражением глубочайшей профессиональной тоски.

– Пожените нас, – велел Крум с порога.

Жрец перевел на нас взгляд и вздохнул:

– Давайте, только быстро.

Он отставил чашку и подошел к алтарю. Удивления на его лице было ни на грамм. Видимо, в храме, где венчают сразу, жрецы ко всему привыкли.

– Ваши имена?

– Я Крум, – отрапортовал мой внезапный жених. – А это... Хм. Действительно. Ты-то кто?

Я открыла рот. Закрыла. Бесполезно пытаться извлечь из него звуки.

– Без имени невесты я вам свидетельство о браке выдать не смогу, – нахмурился жрец.

Идея пришла мгновенно. Я запустила руку в карман, вытащила Леща и продемонстрировала его жрецу и Круму. Лещ, оказавшись на свету, выпучил глаза еще сильнее. Его хвост беспомощно шлепнул по моему запястью.

– Тебя зовут Лещина? – охнул жених.

Я мотнула головой, жрец хмыкнул. Крум почесал подбородок, рассматривая моего питомца. Потом меня. Потом снова питомца.

– А, – протянул он. – Деверика?

Не ожидала. То ли я слишком очевидно тыкала в Леща, то ли парень очень сообразительный и сумел перевести название рыбы на один из местных диалектов. Приятный бонус к красивой внешности. Я убрала питомца обратно в карман, и он был рад вернуться в темноту.

– погоди, – сказал Крум, провожая его взглядом. – Ты носишь с собой живого леща?

Я передернула плечами. Мол, и что с того? У всех свои странности.

– Носи на здоровье, – протянул он. – Правда, от тебя из-за этого пахнет рыбой.

Я беззвучно фыркнула. Жрец, устав ждать, пока мы намилуемся, прокашлялся и начал обряд.

– Согласен ли ты, Крум, взять в жены эту женщину?

– Так точно, – ответил Крум без запинки.

– Согласна ли ты, Деверика, взять в мужа этого мужчину?

Я энергично закивала. Жрец уставился на меня. Крум тоже. Даже Лещ в кармане, кажется, прислушался. Пауза затягивалась.

– Без ее словесного подтверждения поженить вас не имею права, – сказал жрец с ноткой раздражения. – Порядок есть порядок.

Я коснулась Леща в кармане, потянулась к ниточке ментальной связи. И Лещ – мой верный, мой бестолковый, мой гениальный Лещ – издал скрежет.

Это был не голос. Даже не звук. Скорее вибрация, чудесным образом преобразовавшаяся в подобие слова. Получилось согласное чмокание, отдаленно напоминающее «да».

Жрец поперхнулся, Крум выгнул бровь. Я сделала самое невинное лицо, на какое была способна.

– Ну и голосочек у тебя, – хохотнул жених.

– Это самый странный обряд, который я проводил, – сообщил жрец в никуда. – Но мне некогда разбираться. Чай стынет.

Он сделал пасс рукой и подытожил:

– Объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать избранницу.

Крум шагнул ко мне. Его лицо оказалось слишком близко. Я видела, как дрогнули его ресницы, как приоткрылись губы. Он наклонился. Я отскочила. Крум замер. На его лице отразилась сложная гамма чувств – от удивления до обиды.

– Вредина, – насупился он.

Жрецу было плевать на наши брачные игрища, он строчил что-то на бланке. Перо скрипело, кляксы летели во все стороны. Закончив, он промокнул бумагу, подул на нее и протянул Круму.

– Свидетельство о браке. Не потеряйте: дубликаты я не выдаю. Принципиально.

Крум взял бумагу, сложил вдвое и сунул за пазуху. В этот момент двери храма распахнулись. На пороге стояли запыхавшиеся следопыты. Тот, что постарше, обвел храм цепким взглядом, задержался на мне и процедил:

– Госпожа. Принц Стоян требует, чтобы вы вернулись в замок. Немедленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.